

Барахоева Нина Мустафаевна

ПРЕФИКСАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ В ИНГУШКОМ ЯЗЫКЕ

В предлагаемой статье рассматривается роль префиксов в глагольном словообразовании ингушского языка. Также затрагивается и вопрос генезиса и становления префиксов ингушского языка. Указывается на то, что префиксация является одним из основных способов словообразования ингушского языка. Устанавливается, что префиксы ингушского языка имеют наречное и именное происхождение.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/7-2/13.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 7(61): в 3-х ч. Ч. 2. С. 48-51. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

5. **Русский язык стал официальным языком в штате Нью-Йорк** [Электронный ресурс]. URL: <http://komionline.ru/news/16163> (дата обращения: 16.03.2016).
6. **Селіванова О. О.** Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія. Полтава: Довкілля-К, 2006. 716 с.
7. **Фергюсон Ч. А.** Проблемы влияния языковой ситуации на обучение второму языку // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1989. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. С. 122-127.
8. **Швейцер А. Д.** Социальная дифференциация английского языка в США. М.: Наука, 1983. 216 с.
9. **Шевченко Т. И.** Социальная дифференциация английского произношения. М.: Высшая школа, 1990. 142 с.
10. **Bryson B.** Made in America: An Informal History of the English Language in the US. New York: Morrow, 1994. 417 p.
11. **Gordon M. J.** New York, Philadelphia, and Other Northern Cities: Phonology. A Handbook of Varieties of English. A Multimedia Reference Tool / eds. Edgar W. Schneider, et al. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 2004. Vol. 1. P. 282-289.
12. **Labov W.** Sociolinguistic Patterns. Philadelphia: University Pennsylvania Press, 1972. 344 p.
13. **Labov W.** The Social Stratification of English in New York City. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 485 p.
14. **Newman M.** New York Talk (New York City, NY). American Voices. How Dialects Differ from Coast to Coast. Malden, MA: Blackwell Publishing, 2006. P. 82-87.
15. **Preston D. R.** Language Prejudice. Language Myth # 17. They Speak Really Bad English Down South and in New York City. [Электронный ресурс] // Do You Speak American? URL: <http://www.pbs.org/speak/speech/prejudice/attitudes> (дата обращения: 01.03.2016).
16. **Trudgill P.** On Dialect: Social and Geographical Perspectives. N. Y.: New York University Press, 1984. 240 p.
17. **Wolfram W.** Dialects and American English. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1991. 324 p.
18. **Zeigler K.** One in Five U.S. Residents Speaks Foreign Language at Home, Record 61.8 million [Электронный ресурс]. URL: cis.org/record-one-in-five-us-residents-speaks-language-other-than-english-at-home (дата обращения: 01.03.2016).

SOCIO-LINGUISTIC PECULIARITIES OF LANGUAGE SITUATION IN NEW YORK CITY

Abdurashitova Sevil' Yasharovna

*Taurida Academy of V. I. Vernadsky Crimean Federal University
Sevilya12@mail.ru*

The article aims to analyze the language situation in New York City and to describe its socio-linguistic characteristics. The paper provides the population census data, the findings of the United States Census Bureau surveys, the researches devoted to identifying social markers in the citizens' speech. The author describes the language situation parameters in relation to the region under study and summarizes some researchers' opinions concerning the existence of a special linguistic areal in New York City and adopted stereotypes on this American English dialect.

Key words and phrases: linguistic situation; linguistic situation parameters; immigration; New York City dialect; linguistic areal; social markers.

УДК 81.35

В предлагаемой статье рассматривается роль префиксов в глагольном словообразовании ингушского языка. Также затрагивается и вопрос генезиса и становления префиксов ингушского языка. Указывается на то, что префиксация является одним из основных способов словообразования ингушского языка. Устанавливается, что префиксы ингушского языка имеют наречное и именное происхождение.

Ключевые слова и фразы: префикс; суффикс; префиксация; словосложение; суффиксация; способ словообразования; наречие; послелог.

Барахоева Нина Мустафаевна, д. филол. н., доцент
*Ингушский научно-исследовательский институт имени Ч. Э. Ахриева
Ингушский государственный университет, г. Магас
b1araho1@rambler.ru*

ПРЕФИКСАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ

Исследователи нахских языков уделяли достаточно пристальное внимание словообразованию глаголов, хотя предметом специального исследования данный вопрос до сих пор не становился. Глагольное словообразование рассматривается в комплексе со словообразованием других частей речи [11; 12].

В грамматических исследованиях, посвященных ингушскому языку, внимание исследователей в основном сосредоточивалось на глаголе. Однако вопросы формообразования и словообразования не разграничиваются здесь последовательно и четко. Особенно это заметно, когда речь идет об аналитических формах глагола и аналитическом словообразовании, о каузативах и аналитическом словообразовании и т.п.

В исследованиях по словообразованию в нахских языках К. З. Чокаева указывается на то, что образование новых глагольных лексем в нахских языках в основном «происходит преимущественно путем префиксации, с помощью глагольных приставок (превербов)» [12, с. 122]. Автор указывает также и на то, что глагольные превербы не изменяют грамматического значения глагольной основы, они лишь дают новое лексическое значение исходному глаголу.

Кроме того, К. З. Чокаев пишет и о том, что глагольные суффиксы в нахских языках немногочисленны. В общем и целом К. З. Чокаев выделяет следующие способы глагольного словообразования в нахских языках: словосложение, префиксация, суффиксация [12].

Рассматривая проблему оппозиции однократных / многократных глаголов в нахских языках, А. И. Халидов утверждает, что противопоставление данного типа глаголов в нахских языках носит словообразовательный характер. То есть категория вида, рассматриваемая как морфологическая категория, по мнению А. И. Халидова, в нахских языках, соответственно, не представлена. Здесь данная категория имеет лексико-грамматическую природу [11, с. 494]. Следовательно, в качестве одного из видов аффиксального глагольного словообразования в нахских языках автор определяет внутреннюю флексию (*къага – къиега / сверкнуть – сверкать*). Таким образом, по мнению автора, в нахских языках обоснованно можно выделять внутренне-флексийный способ глагольного словообразования [Там же, с. 495].

Всего же способов словообразования глаголов в нахских языках А. И. Халидов определяет четыре: префиксация, суффиксация, внутренняя флексия, основосложение. Кроме названных основных, автор выделяет в нахских языках и супплетивизм как способ словообразования глаголов [Там же, с. 501].

Изучив имеющуюся научную литературу по глагольному словообразованию в нахских языках, мы пришли к выводу о том, что в ингушском языке целесообразно констатация следующих способов образования новых глаголов: аффиксальный (префиксация, суффиксация), основосложение.

Отметим, что противопоставление однократности / многократности действия нами рассматривается как грамматическая аспектная оппозиция, и, следовательно, внутренняя флексия, равно как и супплетивизм (в случаях типа *даха – аха / пойти – ходить*), определяется нами как способ грамматического выражения аспектных значений [1]. На этом основании внутренняя флексия и супплетивизм не рассматриваются нами как способы словообразования в системе глагола ингушского языка.

Аффиксальное словообразование рассматривается как образование новых глаголов в ингушском языке посредством двух способов: префиксального и суффиксального.

Синхронно в работах по нахскому словообразованию представлена система префиксов, участвующих в образовании префиксальных глаголов в нахских языках. Так, в работе К. З. Чокаева встречаем следующий перечень данных элементов: *mla, klala, чу, ара, dla, хъа, урагла, юха, лакхе, лохе, чаккха, уллув, сов, mlехь, хълхл, mlехъ, вуха, dlaхъ, mlaklal* [12, с. 337-339].

В процессе анализа перечня префиксов, представленных автором, А. И. Халидов, подвергает критике точку зрения К. З. Чокаева, указывая на то, что последний не проводит четкую дифференциацию приставок от наречных слов в современных нахских языках [Там же, с. 504-505], и предлагает включить в состав префиксов нахских языков следующие приставки (нами приводится ингушский вариант префиксов): *mla – на, klal – под, хъа – сюда, чу – внутрь, юкье – в круг, урагла – вверх, дехъа – по ту сторону, dlaхъа – туда-сюда, сов – пре, хълхл – впереди, mlaklal – из-под, dla – у, klalхара – из-под, dla – туда, чура – изнутри, lo – под, ара – наружу, буха – под, сехъа – по эту сторону, чакх – через, mlехь – пре, mlехъа – за, чучча – вплотную, vлашагла – друг к другу* [Там же, с. 513].

Что касается самого перечня приставок в ингушском языке, заметим, что в принципе ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что приставки и послелоги в ингушском языке имеют наречное и частично именное происхождение. В связи с этим возникает проблема разграничения планов функционирования рассматриваемых языковых элементов на уровне самостоятельных единиц – наречий и имен, и на уровне префиксов. Переход наречий в состав префиксов в нахских языках имел, кроме того, в качестве промежуточного этапа период перехода в послелоги. То есть прежде чем стать префиксами, рассматриваемые элементы переходили в разряд послелогов. Следовательно, возникает проблема отграничения приставок как от наречий и имен, так и от послелогов в ингушском языке.

В связи с этим нам представляется необходимым при установлении перечня приставок в ингушском языке сослаться на степень грамматикализованности некоторых лексем, которые синхронно в ингушском языке еще функционируют и в качестве полноценных наречных слов. К такого рода лексике нами относятся слова типа *хълхл – впереди, mlехъа – сзади, урагла – наверху, ара – за пределами, лакха – наверху, уллув – рядом, дехъа – на той стороне, сехъа – на этой стороне, юкье – в середине, буха – внизу*. Соответственно, считаем правомерным отнесение глагольной лексики, образованной при участии данных лексем, к разряду глагольных композитов ингушского языка.

Исходя из вышесказанного, к классу глагольных префиксов в ингушском языке нами причисляются следующие: *mla / на, klal / под, хъа / сюда, чу / внутрь, dlaхъа / туда-сюда, сов / пре, mlaklal / из-под, klalхара / из-под, dla / туда, чура / изнутри, lo / под, чакх / через, mlехь / пре, mlехъа / за, чучча / вплотную, vлашагла / друг к другу*.

Вопрос о происхождении аффиксов ингушского языка, как и другие вопросы, касающиеся словообразовательных, морфемных систем древнего нахского языка, очевидно, всегда будет оставаться без полного ответа.

Однако в лингвистике относительно индоевропейских и славянских языков существует мнение, что в праиндоевропейском языке существовала группа слов, морфологически схожих с наречием. Предварительно эти лексемы были самостоятельны по отношению к именам и к глаголу, но в последующем перешли в предлоги и приставки, присоединившиеся к знаменательным частям речи [2; 4; 7; 9].

Исследования показали, что эти рассматриваемые слова синтаксически представляли собой одновременно предлоги (послелоги) и превербы. Данные лексемы могли одновременно относиться и к имени, и к глаголу.

При этом они занимали позиции либо после имени, либо перед глаголом.

В процессе развития, по мнению ученых, произошло изменение структуры индоевропейского языка.

В связи с чем позиция перед глаголом освободилась и префиксальные элементы, возникшие из бывших реляционных элементов при глаголе перешли в предлоги (послелого) и приставки [8, с. 15], в предлоги и послелого – в сочетании с именем, а в приставки – с глаголом.

Отметим, что, по нашему мнению, для нахских языков процесс образования приставок и предлогов шел таким же путем. С той лишь разницей, что вместо предлогов в нахских языках шло формирование послелогов. Очевидно, что реляционные элементы, передававшие отношения между компонентами предложения, занимали здесь позицию не перед именем, а за ним. Получается, что эти элементы, располагаясь после имени, передавали либо отнесенность к имени (в случае с послелогом), либо отнесенность к глаголу (позиция глагола-сказуемого в нахских языках в повествовательном предложении практически фиксированная, то есть глагол следует за именем). Во втором случае переход реляционного элемента в приставки становится в принципе лишь делом времени. Синхронно мы наблюдаем в нахских языках и наличие послелогов, и присутствие префиксов. Один и тот же элемент может выступать и послелогом и префиксом, в зависимости от его отнесенности к глаголу или к имени.

В связи с этим отметим также и то, что префиксальное словообразование в естественных языках наиболее развито у глаголов, так как исторически префиксы могли присоединяться только к ним.

Вначале они занимали позицию самостоятельного слова перед глаголом, а затем сливались с глагольной основой, превращаясь в приставки в том смысле, в каком они понимаются сейчас.

В языковедении отмечается факт сохранения префиксами относительной самостоятельности в некоторых современных языках. Так, например, в немецком языке часть глагольных префиксов, в зависимости от контекста, могут отделяться от глагола (*fortsetzen – продолжать, setzen Sie die Arbeit fort – продолжайте работать*). Примерно такая же ситуация представлена и в ингушском языке, где почти все приставки отделяемы от основного глагола (*дIаала цунга – скажи ему, ала цуга дIа – скажи ему*).

В научной литературе существуют разные точки зрения на семантические и словообразовательные характеристики приставок.

Согласно одной из этих точек зрения, каждая приставка имеет только одно значение [6, с. 4; 10, с. 223].

Вторая точка зрения свидетельствует о том, что приставки полисемичны [3; 5; 13].

Поскольку префиксы исторически восходят к вполне самостоятельным словам, они, следовательно, должны сохранять свои значения, которые синхронно в ингушском языке (и в других нахских языках) участвуют в формировании общего значения префиксального глагола.

На наш взгляд, тот факт, что приставки влияют на изменение значения слова, будучи словообразующими элементами, сомнений не вызывает. Кроме того, мы можем утверждать и то, что префиксы в ингушском языке полисемичны.

Значения имевшихся в нахских языках реляционных элементов (предшественников современных префиксов), о которых мы говорили выше, носили пространственный характер. Следовательно, на первом этапе своего становления глагольные префиксы вносили в общее значение вновь образуемого глагола только лексическое значение, локально конкретизируя действие глагола. Процесс формирования префиксов синхронно продолжается в нахских языках. Но значения этих префиксов здесь не достигли той степени абстракции, которая, например, сегодня характерна для приставок русского языка. Приставки русского языка сегодня практически утратили исходное пространственное значение и приобрели значение выражения предельности / неопределенности действия [8, с. 18].

Предполагаем, что дальнейшая эволюция приставок в ингушском языке, возможно, приведет к развитию из первичных пространственных значений у приставки других, абстрактных значений, связанных с какой-либо семьей, определяемой первичным значением самого префикса.

Вероятно, что новое значение приставок будет предопределяться значением исходного глагола, к которому прибавляется тот или иной префикс. Новое значение закрепится за префиксом и станет его самостоятельным значением, наряду с его исходным пространственным значением. Например, приставка *дIа* – «от» (с исходным пространственным значением направления «туда, в сторону») – с глаголами говорения, действия, кружения проявляет разную семантику.

Так, в случае с глаголом кружения *дIахаста* «закружить» имеет значение инхоативности действия (начала действия *за-*), с глаголом говорения *дIаала* «выскажи» – значение предельности действия (*вы-*), с глаголом действия *дIадила* «отложить, спрятать» – значение действия «хранить по дальше» (*от-, с-, со-*).

То же самое можно сказать и о приставке *Io* «под», изначально обладающей значением выражения направления действия вниз от говорящего. Синхронно данная приставка в сочетании с глаголами движения передает значение движения по направлению вниз. В сочетании же с глаголами типа *деша* «писать», *язде* «читать» – проявляет значение предельности действия: *деша* «читать», *Ioдеша* «прочитать».

Таким образом, префиксация рассматривается нами как один из основных способов словообразования глаголов в ингушском языке.

Префиксы ингушского языка имеют именное и наречное происхождение. Приставки ингушского языка многозначны.

Рассматриваемые элементы ингушского языка изначально имели пространственное значение локализации действия, выражаемого глаголом, к которому данная приставка присоединяется.

В то же время эволюция значения приставок в ингушском языке, по нашему мнению, должна привести к изменению пространственного значения данных приставок. Предполагаем, что изменение значений приставок приведет к выражению ими чисто грамматических значений типа предельности / неопределенности действия, как это уже имеет место с приставками *дIа* «от», выражение направления действия в сторону от говорящего», *Io* «под, выражение направления действия вниз».

Список литературы

1. **Барахоева Н. М.** Грамматические формы и категории глагола (на материале нахских языков). Нальчик: Тетраграф, 2011. 312 с.
2. **Вайан А.** Руководство по старославянскому языку. М.: ЛКИ, 2007. 440 с.
3. **Виноградов В. В.** Русский язык (грамматическое учение о слове). Изд-е 2-е. М.: Высшая школа, 1986. 639 с.
4. **Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.** Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры: в 2-х т. Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1984. Т. 1. 1409 с.
5. **Головин Б. Н.** Приставочное внутриглагольное словообразование в современном русском литературном языке: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 1966. 42 с.
6. **Кубрякова Е. И.** Типы языковых значений. М.: Наука, 1981. 200 с.
7. **Мейе А.** Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.: УРСС, 2009. 512 с.
8. **Табаченко Л. В.** Приставочные позиционные глаголы в истории русского языка. Ростов н/Д.: ЮФУ, 2010. 336 с.
9. **Тронский И. М.** Общеиндоевропейское языковое состояние: Вопросы реконструкции. Л.: Наука, 1967. 104 с.
10. **Улуханов И. С.** Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М.: Наука, 1977. 256 с.
11. **Халидов А. И.** Чеченский язык. Морфемика. Словообразование. Грозный: Книжное издательство, 2010. 768 с.
12. **Чокаев К. З.** Морфология чеченского языка. Словообразование частей речи. Грозный: Книжное издательство, 2010. 384 с.
13. **Шведова Н. Ю.** Слово и грамматические законы языка. Имя. М.: Наука, 1989. 351 с.

PREFIXAL WORD-FORMATION OF VERBS IN THE INGUSH LANGUAGE

Barakhoeva Nina Mustafaevna, Doctor in Philology, Associate Professor
Ingush Research Institute named after Ch. E. Akhriev
Ingush State University, Magas
b1arahoi@rambler.ru

This article examines the role of prefixes in the verbal word-formation in the Ingush language. The author also touches upon the question of the genesis and formation of the prefixes of the Ingush language. It is noted that prefixion is one of the main ways of word-formation of the Ingush language. The paper determines that the prefixes of the Ingush language have adverbial and noun origin.

Key words and phrases: prefix; suffix; prefixion; compounding; suffixation; method of word-formation; adverb; postposition.

УДК 8;81-22

Предметом настоящего исследования является роль метафоры в конструировании стереотипов обыденного сознания носителей английского языка. Метафоризация рассматривается как ключевое средство моделирования и производства морально-политических идеологем, развития новых смыслов и отражения восприятия общественно-политических явлений в национальном сознании. Гипотеза состоит в том, что моделирование метафорического значения позволит изучить потенциал метафоры как механизм освоения человеком окружающего мира и его интерпретации мира в словесном выражении. Изучение механизма воздействия с помощью метафоры позволит в дальнейшем быть готовым к выявлению признаков психолингвистической манипуляции сознанием.

Ключевые слова и фразы: метафора; семантика метафоры; зооморфная метафора; метафоризация; речевое воздействие; средство манипуляции; общественное сознание; средства массовой информации.

Богатырева Светлана Николаевна, к. филол. н., доцент
Казиахмедова Светлана Ханмагомедовна, к. пед. н., доцент
Московский государственный гуманитарно-экономический университет
sveta-bogatyrova@mail.ru; svet1470@mail.ru

МЕТАФОРА КАК ИНСТРУМЕНТ ЯЗЫКОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ

Если бы повелевать умами было так же легко, как и языками, то каждый царствовал бы спокойно и не было бы никакого насильственного правления, ибо каждый жил бы, сообразуясь с нравом правящих, и только на основании их решения судил бы о том, что истинно или ложно, хорошо или дурно, справедливо или несправедливо.

Б. Спиноза

Представляется необходимым рассмотреть отношение в оппозиционной паре, вечной диаде «**власть – народ**», поскольку она занимает важное место в ряду представлений, формирующих и отображающих «модель мира – ту сетку координат, при помощи которой люди воспринимают действительность и строят образы мира, существующие в их сознании» [3]. Взаимодействие в этой паре можно представить схематично: *a – X... t1...tn... c.*